

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Мастер радостного смеха

Большой и интересный путь прошел народный артист республики С. В. Образцов: от бездумной шутки — к идейной комедии, от забавы в дружеском кругу — к уважаемой профессии комического актера и режиссера. Он вышел в путь один на заре советского театра, а ныне с ним и вокруг него большая семья актеров-кукольников, и его театр возглавляет симпатичнейшую армию кукольных театров по всей нашей стране. Советское государство с отеческой любовью усыновило эти небольшие театры, но, сохраняя верность нашим ребятам, они служат и взрослым.

Сколько радости несут эти театры советскому благодарному зрителю, и сколько творческого, умного, самоотверженного труда вложено в искусство веселого, радостного смеха!

Мало кто лучше, чем Образцов, знает, как смеется советский народ. Он видел миллионы смеющихся людей. Он привык к тому, что люди начинают улыбаться, как только он появляется на эстраде со своей неизменной ширмой, как только он выходит перед занавесом в своем театре. Эта улыбка переходит потом в смех, когда в сатирической сцене, бичующей безвкусицу и ремесленничество некоторых исполнителей, долговязая Кармен в «безумной страсти» заговаривает в угол жалкого Хозе, или когда «мировая скорбь» раздирает душу пьяного любителя дореволюционной, допотопной цыганщины. Многие видели их десятки раз и готовы снова и снова смеяться.

Образцов бывал вознагражден за свой труд величайшим удовлетворением, какое может испытать артист. Он видел, как заразительно смеялся, глядя на его куклы, Станиславский; как утирал слезы смеха Горький; как смеялись на концертах после торжественных и волнующих приемов и встреч руководители нашей партии и советского правительства, когда крохотные человечки и зверьки Образцова разыгрывали свои смешные сценки.

В Отечественную войну громовые раскаты солдатского смеха не раз потрясали лес на замаскированной позиции, а командиры пожимали руку Образцову, благодарили и говорили, что он делает большое, серьезное дело.

В госпитальных палатах, среди тяжело раненных Образцов исполнял свои номера, и больные смеялись, превозмогая боль. Артист колебался: уместно ли здесь его искусство. Но врачи благодарили и тоже говорили, что он делает большое, серьезное дело.

Всю свою жизнь Образцов служит веселому, радостному, умному смеху. Этот смех — его профессия, и этот смех нужен советским людям.

* * *

Смех — это большое, серьезное дело. «Смех — вовсе дело не шуточное, и им мы не поступимся», — говорил Герцен. Но и шутка иной раз не шуточное дело. Маркс отводит злой шутке революционную роль в развенчании Наполеона III.

Смех разнообразен. Есть торжествующий смех победителя, есть жалкий юмор исландика.

Обреченные на гибель классы не смеются. Свое предчувствие смерти они облекают в философию мировой скорби. Дворяне не могли предположить, что после того, как они сойдут с всемирно-исторической сцены, все же останется на земле человечество. Они говорили: после нас — потоп! Точно так же современная буржуазия убеждена, что с ее уходом прекратится течение истории. «Коль нет вина, так нет и десна!», — утверждает в припадке «мировой скорби» персонаж Образцова.

«Это очень хорошо, что у Вас «радостное настроение». Философия «мировой скорби» не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающиеся», — так писал товарищ Сталин Демьяну Бедному. Философия

рабочего класса, творца новой истории, философия коммунизма оптимистична и радостна.

Юмор советского народа питается богатейшими источниками народного творчества. Народ зло смеется над своими врагами. Народ хорошо смеется, радуясь делу своих рук, празднуя свои победы, радуясь от избытка жизни и силы.

Смех — большое дело и серьезное оружие. Буржуазия, зная это, сооружает в своей печати, в своих киностудиях, в своих мюзик-холлах фабрики искусственного, механического смеха. Но то, что получается, нельзя назвать человеческим смехом. Это лошадиное ржание, это дрянное хихиканье, это гоготание. Нет ничего на свете более тупого, бездарного, унылого, чем «комикс» в американской печати. Искусство американского юмора заключается в том, что специалисты по части фабричного смеха превращают живых людей в куклы, в стандартные автоматы с механическим оскалом искусственных зубов. Таковы американские театры, американское кино.

Искусство Образцова в том, что он очеловечивает куклы.

* * *

Образцов начинал свою актерскую игру с куклой, не думая о том, что он прокладывает новый путь в театральном искусстве. В сущности, это был не новый путь, а забытая, заросшая от времени, старая народная тропа. Постепенно в своем росте Образцов открывал историю русского кукольного театра, оживлял старые традиции, оживлял опыт «петрушки», кукольных балаганов.

Однако тропа бывшего обрывалась и сама по себе никуда не вела. Она проходила где-то вдали от большого русского театрального искусства. Старинное мастерство «петрушки», вертепов, балаганов не имело точек соприкосновения с художественной литературой, с музыкой, с комедией.

Образцов ввел кукольный театр как равноправного сына в великую семью советских театров. В театре Образцова советская комедия получила законную трибуну. Кукла вышла на сцену и заняла на ней достойное место. Но ведь, в сущности, она уже и прежде была на ней, но только кукол играли люди. В «Щелкунчике» Чайковского оживает весь кукольный мир. Кукла — героиня оперы Оффенбаха, балета Делиба. С куклой связана сказочность, фантастичность. Мы видим смешных и милых зверюшек и забавных чортиков в «Снегурочке», в «Ночи перед рождеством».

Об Образцове говорят, что он заставляет взрослых людей играть в куклы. Что же, у него есть достойные предшественники. Суровый Салтыков-Шедрин, превосходно владевший юмором, наверно, испытывал чувство творческой радости, когда сочинял своих забавных «Игрушечного дела людшек». И, может быть, только кукольному театру под силу инсценировка «Истории одного города» с его градоначальниками, у одного из которых в голове был органчик, а у другого голова была нафарширована...

У Образцова славные предки и в народном творчестве, и в литературе, и в театральном искусстве. Его собственное искусство родилось под сенью МХАТ, в талантливой среде замечательных актеров, музыкантов, писателей Москвы. Советская общественность дала театру Образцова идейность, художественную чистоту.

* * *

Заслуга Образцова в том, что он вывел искусство актера-кукольника с площади на эстраду, привел от кочевой жизни к оседлой, от ширмы — к театру с декорациями. Он создал актерскую школу, которую непосредственно и заочно прошли многие молодые актеры, полюбившие свое дело не меньше, чем другие актеры

любят «человеческую» сцену. Образцов создал не только актеров-кукольников, но и художников-кукольников, композиторов — кукольников, писателей-кукольников.

Слава советского кукольного театра вышла далеко за пределы нашей страны. Образцова и его театр знают в странах народной демократии, знают и любят. Наше театральное-кукольное мастерство встретилось с куклами и мастерами других народов. Эти встречи взаимно обогащают артистов и служат общей цели культурного сближения дружеских стран.

Кукольный театр — разновидность комедийного театра. Актер-кукольник из всех средств актерской игры пользуется преимущественно голосом. Вследствие этого выразительность его голоса должна быть сильнее, чем на обыкновенной «человеческой» сцене. Сам Образцов не мог бы достичь такого успеха, если бы не обладал богатыми оттенками музыкальным голосом.

Жестиком актера заменяет жестиком куклы. Это расширяет возможности жанра. Это делает юмор протексовым и усиливает выразительность смешного образа. Необходимы большое мастерство и неподдельный комический талант, чтобы свою игру в движениях передать кукле. Зритель получает двойное удовлетворение. Его смешат голос и игра актера и в то же время радуется таланту, с которым совершается перевоплощение. Это и есть чары искусства кукольного театра, когда зритель верит в живого человека на сцене, сознавая одновременно, что это человек игрушечный.

Жанры, в которых выступают Образцов и его театр, очень разнообразны. Тут сказка, исполненная волшебного вымысла, поэтически радостная («Король-олень»), и злобная политическая сатира («Под шорох твоих ресниц»), тут может быть и лирический этюд, и дружеский парод, пародия. Мы полюбили, как живого ребенка, милого Тяпу из колыбельной песни Мусоргского. Он смешон и трогателен. Надо быть большим художником-актером, чтобы так околдовать нас чарами своего мастерства.

Кукла Образцова бывает очень злой, когда изображает врага, когда бичует пережитки недоброго прошлого. Но всем своим мастерством театр Образцова служит, как все советское театральное искусство, социалистическому гуманизму, и смех Образцова — веселый, светлый смех.

* * *

Образцов — новатор. Он всегда в поисках нового, непрерывно экспериментирует, непрестанно расширяет возможности и перспективы кукольного театра. Бывали неудачи, как у всякого искателя, бывали и есть большие успехи.

Образцов — враг предельческих настроений. Где границы кукольного театра? Да и существуют ли эти границы? Только опыт может дать ответы на этот вопрос. Образцов ищет. Кукольный театр был до сих пор преимущественно театром комедии, фантастики, сказки. Образцов пытается ввести элементы драмы, быта, пытается приблизить кукольный театр к реалистическому... Возможно ли это? Нельзя только гадать, надо пробовать с риском неудачи и промаха. Чехословацкий кукольный театр ставил Шекспира, и не комедии, а «Гамлета». Надо ли? Оправдано ли соперничество театра кукол с театром трагического актера? Это ли путь кукольного театра?

Образцова смотришь с интересом, когда он играет. С интересом слушаешь, когда он говорит о своем искусстве. С интересом читаешь его книги. Он обладает обаянием артиста, художника, писателя. Его любят дети и взрослые. Он создан советским искусством, светлым и радостным.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.